

МАША ХРАМКОВА

Предел дозволенного

ИНОЙ МИР. ДВА КЛАССА. ОДИН ПРЕДЕЛ ДЛЯ ВСЕХ

Маша Храмкова

Предел дозволенного

«Автор»

2023

Храмкова М.

Предел дозволенного / М. Храмкова — «Автор», 2023

Фелисити грозит уволить пилота, которого ждет уже двадцать минут. Ну разумеется, ведь для нее он человек второго сорта, как и любой, кто старше шестнадцати лет. Фелисити — представитель элиты, Первого класса, и в Метрополе именно такие, как она, правят бал. “Тебе конец, приятель”, — думает девушка, садясь в его машину. Пока в зеркале заднего вида не пересекается с его такими красивыми и насмешливыми глазами.

© Храмкова М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 – Объект Дзэру	5
Глава 2 – Ларкетт	11
Глава 3 – Стоун	16
Глава 4 – Неприкосновенность	23
Глава 5 – Хайгер	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Маша Храмкова

Предел дозволенного

Глава 1 – Объект Дзэру

*Метрополь, дистрикт Окто-Ган,
2279 год*

В новом корпусе было просторнее, а еще пахло озоном. Это хорошо, значит помещение регулярно кварцуют.

Когда девочек завели внутрь, пересчитали, и наконец отпустили, Дзэру какое-то время наблюдала, стоя с краю.

С первого взгляда кровати были одинаковыми, как и их новые владельцы. Одиннадцатилетние девочки поколения Майко Плюс были невысокими, тоненькими и все как один светловолосыми. Не клоны – корпорации не любили клонов. Просто искусственно выращенная генерация, имеющая общих доноров. Можно было с натяжкой сказать, что все Майко Плюс – сестры.

Это к шестнадцати каждая из них станет украшением богатой семьи, онсена или отеля, но сейчас Майко Плюс напоминали гадких утят. Коротко остриженные волосы, одинаковые комбинезоны – ускоренная программа красоты и стиля должна была начаться лишь через пять месяцев.

Объект Дзэру или просто Дзэру была одной из многих. Изделие в процессе шлифовки, она отличалась от других более прямым носом и своей тайной, которую ревностно оберегала.

Дзэру умела видеть.

Сейчас она наблюдала за тем, как Седьмая и Тринадцатая занимали койки по соседству, чтобы перешептываться после отбоя. Восьмая – как всегда в самом углу; ее мрачные мысли врачи пытались подавить препаратами, но не очень успешно. Дзэру знала, что если ситуация не изменится, через пару месяцев ее ликвидируют.

Корпорациям не нужны депрессивные изделия.

Пока девочки занимали кровати, Дзэру наблюдала, точнее, рассматривала кровати своим особым взглядом:

Слишком много страха.

Слишком много скрытой агрессии.

А здесь наоборот – стремление выслужиться, показать, что ты лучше их всех.

Кровати хранили воспоминания о своих прежних владельцах. И Дзэру умела считывать их.

А тут что? Девочка прищурилась, фокусируясь на койке в противоположном углу от Восьмой... неужели ту, которая спала на ней, ликвидировали? Так и есть, четкое ощущение бунта, непослушания. Даже восстания, впрочем, задавленного на корню.

Вдруг незанятое еще место возле окна привлекло внимание Дзэру. Ощувив, как ноги будто сами идут к неказистой кровати с расштанной спинкой, Дзэру придала лицу максимально равнодушное выражение. Не хватало еще, чтобы наставницы чего-нибудь заподозрили.

“Здесь что-то есть! Тайник! – вдруг осознав, что именно привлекло ее, девочка провела пальцами по серому, застиранному белью и присела. – Дождусь, пока все уснут, и найду его”.

Корпорации, заказывающие новые и новые поколения элитной obsługi, проводили жесткий отбор, и критерии были весьма строгими. Слишком высокий рост, слишком маленький

вес, непокорная, бунтарка, не умеющая держать язык за зубами, не достаточно приветливая – такие изделия отсеивали. Уничтожали.

Дзэру знала, что будет уничтожена, если о ее одаренности узнают. Ее тайна, ее сверхспособность должна была умереть вместе с ней в возрасте чуть старше двадцати пяти. Биологические часы Майко Плюс были запрограммированы на четверть века, однако за каждый успешный год работы изделию начислялся месяц свободы. Иногда месяца складывались в года, и тогда Майко Плюс могли посвятить остаток жизни самим себе.

Рассматривая свою новую кровать, хранящую секреты, Дзэру еще не знала, что сегодняшняя ночь изменит все. Впервые в ее существовании появится смысл.

Когда в блоке отключили свет, и наставницы проверили, точно ли все девочки уснули, Дзэру бесшумно поднялась со своей кровати. Присела на пол и легонько ощупала дно койки. Она называла эту игру “Холодно-горячо”: одаренность подсказывала Дзэру, где искать, и в такие моменты ее сердце билось, словно огромный колокол.

“Ближе, еще ближе... Нет, нужно искать под матрасом!”

Не вставая с холодного пола, Дзэру нырнула руками под перину. В этот момент мимо окна пролетел аэрокар, и его яркий белый луч скользнул по лицу девочки. Теперь дежурная точно заметит, что она не в кровати!

“Наставница не видит, она развлекается с охранником”, – вновь подсказало Дзэру чутье. В этот момент ее пальцы нащупали маленькую коробочку. Тайник.

Она не особо задумывалась о жизни вне корпусов выращивания и подготовки. Да, иногда Дзэру смотрела в окно, особенно во время трансфера из одного места в другое. Но настоящая жизнь с праздными людьми, которые через несколько лет должны были стать ее клиентами, не вызывала в сердце Дзэру никакого отклика.

“Вам не нужно понимать их мотивы, – так говорила наставница по духовной работе. – Лишь знать, чего они хотят и чего захотят в следующую минуту”.

Однако, когда Объект Дзэру достала из тайничка мятую фотографию, ее мир перевернулся.

На ней была запечатлена самая красивая девушка на свете. Она сидела, оперевшись на автомат, и смотрела куда-то в сторону. А на лице ее при этом навеки застыла легкая улыбка. При взгляде на это фото, казалось, что еще мгновение – и девушка посмотрит в кадр, улыбнется широко и подмигнет. Или скажет, что все будет хорошо. Но неизвестная красавица с автоматом продолжала смотреть куда-то за кадр.

С ней рядом был кто-то еще, но кто – узнать было невозможно. Снимок не был целым. Кто-то наспех разорвал его точно по центру, оставив от второй фигуры лишь руку, лежащую на плече девушки.

“Не сдаваться обстоятельствам – этому научило меня сопротивление”, – так было бегло написано на обороте. Но это лишь часть фразы, остальная была утеряна вместе с другой половиной.

Однако подпись сохранилась.

– Сати Эвери, – шепотом прочитала Дзэру.

“Должно быть, это ее имя. Сопротивление... что это значит?”

Позднее Объект Дзэру многое узнает об этой девушке. О подполье, о движении против угнетения Второго класса и превосходства Первого. Ее вера, ее религия будет выстроена на обрывках этой информации. Однако фундамент был заложен именно в эту ночь, в те минуты, когда Дзэру сидела на полу нового блока, а лучи аэрокаров то и дело скользили по ее лицу.

“Не сдаваться обстоятельствам” – эти слова станут смыслом ее жизни.

*Метрополь, дистрикт Саото-Ган
2284 год*

– Вызвать машину, – нервно произнесла Фелисити. Она уже минут пять как стояла на личном хелипорте, но из-за погодных условий ее пилот застрял в пригороде.

Холода наступили слишком быстро, и слишком внезапно – ну еще бы, больше надо было играть с погодой на День Благодарения. Весь циклон должно было сдуть подальше, в нулевые районы. Но почему-то он задержался в даунтауне, там, где было сконцентрировано больше всего граждан Первого класса.

Ладно.

– Вызвать машину! – нервно повторила Фелисити, и пар из ее рта тут же подхватил порыв ветра.

– Поиск идет, мисс Стоун, – вежливо сообщил бестелесный голос.

– Черт! – Фелисити вернулась в дом, громко хлопнув раздвижной дверью. Недовольно поджав губы, она отключила видеопанораму цветущей сакуры и принялась напряженно смотреть в окно, за которым свирепствовала стихия. Непогода непогодой, а в школе надо было быть вовремя – даже Первый класс могли наказать, и при том довольно неприятно.

– Пилот прибудет к вам через пять минут, – сообщил мягкий голос в ее голове. Затем голос продиктовал номер и модель аэрокара, а также имя пилота: Ноа Ларкетт.

– Почему так долго? – вслух возмутилась Фелисити.

– Погодные условия, мисс.

– Отстань, это риторический вопрос, – она вздохнула. – Сама вижу. Но тебе лучше поторопиться, Ноа, как там тебя!

– Ноа Ларкетт, – повторил голос в голове, и Фел раздраженно отключила голосовое оповещение службы заботы.

“Зачем мне знать имя какого-то пилота?!” – подумала она, кутаясь в пальто; почувствовав, что девушке холодно, дом прибавил температуру и включил звуки потрескивающих в камине поленьев.

Впрочем, через пять минут Фелисити была только рада, что узнала имя пилота. Точнее – она злорадствовала, придумывая ему варианты наказания.

Дело в том, что служба заботы предупредила ее о том, что пилот прибыл не туда.

– Идиот! – кричала Фелисити, швыряя попадающиеся под руку вещи. Ее утро не началось с самого начала: Фел разлила свой горячий шоколад, а школьное платье оказалось неглаженным. – Я добьюсь того, чтобы тебя вышвырнули!

– Пилот просит вас подняться на общественный хелипорт, – сообщила служба заботы. – Из-за погодных условий он не может сесть ближе.

– Что? Совсем охренел?! – Фелисити посмотрела в окно, за которым начался настоящий ураган. – Пусть садится, где я велела!

– Отказано в просьбе. Пилот просит вас подняться на общественный хелипорт... мисс Стоун, – перед “мисс Стоун” голос сделал паузу, и если бы Фелисити не знала, что у операторов службы поддержки не заданы настройки личности, ей показалось бы, что он издевается.

– Он... ой, ладно! – Фелисити взяла зонт. – Хорошо, принято, я поговорю с ним лично.

Набрав в грудь побольше воздуха (как там дышать с таким-то снегопадом?), Фелисити раздвинула тяжелые створки. Ее волосы подхватил порыв ветра, колкие снежинки ударили в

лицо, и на мгновение Фел почувствовала себя на вершине горы. Это могло быть даже прекрасно, если бы в следующую секунду ее зонт не вывернуло наизнанку.

“Ты покойник, мистер пилот!” – спокойно подумала она. Общественный хелипорт находился в точке пересечения четырех мостов между высотками. Да, теоретически с такого мостика невозможно было упасть, но Фелисити казалось, что порыв ветра вот-вот подхватит ее и вышвырнет за плексигласовые перегородки. Вдобавок лоферы Фелисити скользили по свежему, нетронутому снегу, и ноги то и дело разъезжались.

“Мог хотя бы встретить меня, кретин!” – мысленно ругалась она, проклиная все на свете: погоду, школу, этот чертов город. Но больше всех – незадачливого пилота аэрокара.

Черное транспортное средство ждало ее на хелипорте, успевшем покрыться слоем рыхлого, как манная крупа, снега. Дверь поднялась, и Фел рухнула в теплое кресло, что ожидало ее в приглушенном свете салона аэрокара.

“Все, приятель, тебе хана”, – мстительно подумала она, бросая взгляд на кресло пилота.

– Ты знаешь, что прилетел не туда? – начала она, сбивая снежинки с каштановых, тщательно уложенных локонов.

– Да, мисс, – произнес пилот.

– И? – Фел встряхнула зонт.

Молчание.

– Извиниться не хочешь? Я... – в этот момент она поймала его взгляд в зеркале заднего вида.

Карие глаза, в обрамлении длинных черных ресниц. Усталые, красивые глаза. Он был совсем молод.

– Я могу опоздать в школу, – Фелисити обнаружила, что ее злость словно растворилась.

– Не опоздаете, – глаза пилота чуть прищурились, как будто он улыбался. – Сейчас быстро долетим.

“Почему я смущаюсь?” – Фелисити отвела взгляд и принялась наблюдать за тем, как ее дом внизу накренился и стремительно начал отдаляться.

– Я все еще жду извинений, – она сняла перчатки и сложила руки на коленях.

– За что? – снова этот взгляд. Словно насмехается над ней.

– Реально? Ты опоздал и прилетел не туда!

– Мисс, – пилот сделал паузу, – погоду видели? Хорошо, что я вообще вышел на смену сегодня.

Он мотнул головой, словно вспомнив что-то неприятное, и прядка темных, чуть вьющихся волос упала на его лицо. Фел почувствовала, что краснеет: и почему он такой симпатичный?

“Наверняка нет, я же не вижу его лицо целиком”, – убедила она себя.

– А вы можете выбирать, выходить на смену или нет? – насмешливо спросила Фел.

– Разумеется, я же не раб, – пилот нахмурился.

– Как ты разговариваешь со мной? – вспыхнула Фелисити. Впрочем, то, что он вообще смел обсуждать с ней нечто помимо полета, уже было возмутительным.

– Как с человеком, мисс, – пилот не улыбался.

– Я не... – начала было Фелисити, но осеклась.

“Я не ровня тебе?” – нет, слишком... неправильно, что ли.

– Я не... кто? Закончите фразу, мисс, – пилот увел аэрокар в пике слишком резко, и дыхание девушки захватило.

– Следи за дорогой, пилот, – холодно бросила она.

– Меня зовут Ноа, мисс Стоун. А как ваше имя?

“Так. Это уже слишком. Он переходит все черты”!

– Одно мое слово, и тебя больше никогда не допустят до штурвала, – наклонившись вперед, процедила Фелисити сквозь зубы. – Ты прилетел не на ту площадку, ты разговариваешь со мной, словно с подружкой, и кроме того: ты отвратительно водишь!

– Прошу прощения, мисс, – глаза Ноа снова улыбались. – При всем уважении, вы совсем не напоминаете моих подружек.

Фелисити почувствовала, как от злости у нее начинает щипать глаза. Она отвернулась к окну и подумала о том, что еще немного, и сегодняшний день попадет в топ самых отстойных дней этого месяца. Благо лететь оставалось всего две минуты.

Словно почувствовав это, пилот по имени Ноа произнес:

– Плохое утро, мисс?

“Ты делаешь его еще более невыносимым”, – мысленно возмутилась Фел, но произнесла совсем другое:

– Ужасное. Все валится из рук. Погода мерзость просто.

– Да уж, погода! Когда не нужно думать о том, что поесть, погода может сильно испортить настроение, – прокомментировал Ноа, выныривая из потока аэрокаров, лениво скользящих над городом. – По обходному полетим; ненавижу пробки. Мисс.

– Это сарказм? – снова вспыхнула Фелисити. – Ты думаешь, у Первого класса мало проблем?

– Какие у вас проблемы? – усмехнулся он.

Фел открыла было рот, чтобы рассказать ему о своей школе, о дотошных проверках и медосмотрах, но потом сообразила, что Ноа и сам, должно быть, недавно выпустился. Если в шестнадцать лет протекторий не обнаруживает в тебе одаренности, то из Первого, элитного класса ты переходишь во Второй. И до конца жизни впахиваешь по распределению, отрабатывая то, что на тебя потратило государство.

– Вести себя хорошо, чтобы меня не вышвырнули раньше времени – вот моя проблема, – пробормотала Фел без надежды, что Ноа ее услышит.

Но он услышал и рассмеялся.

– Неужели так бывает? Досрочный переход во Второй класс?

– Не хочу стать прецедентом, – впервые за всю поездку Фелисити улыбнулась и вновь поймала его взгляд, пронизанный теплом.

“Неужели глаза могут передавать столько чувств?” – подумала она, покрываясь румянцем.

– Что такое, мисс? Вам жарко? – снова насмешливый взгляд.

– Немного, – Фел заерзала.

“Да когда же мы прилетим? Это становится невыносимым!”

– Почти прилетели, Фелисити.

Стоп. Она не ослышалась.

– Кто разрешил называть меня по имени, пилот? – она резко выпрямилась.

– Я разрешил.

– Это возмутительно! Ты и я...

– Из разных классов – и что? – Ноа прищурился. – Тебе пятнадцать, мне семнадцать, это всего лишь числа!

– Нельзя так просто разговаривать! – Фелисити выглянула в окно, но аэрокар был еще слишком высоко, и кроме плотных туч она не увидела ничего.

“А если он маньяк, который решил убить меня?”

– Это *они* сказали тебе, что нельзя, – Ноа смахнул прядку со лба. – Важно лишь то, что ты сама хочешь. И что позволяешь себе.

На этот раз их глаза встретились надолго. Гневный и растерянный – Фелисити, насмешливый и чуть строгий – Ноа.

– Прибыли, – наконец сказал пилот, заканчивая снижение над школой. – Хорошего дня, мисс.

Он больше не смотрел на нее. Шасси машины коснулись хелипорта, дверь поднялась. Подхватив свою сумку, Фелисити вышла из салона, думая о том, что это, несомненно, был самый странный полет за всю ее жизнь.

Пройдя несколько метров, Фел сообразила, что оставила перчатки, но черный аэрокар уже взметнулся в небо.

– Оставьте отзыв, мисс Стоун? – произнес оператор службы заботы.

– Высший балл. Чаевые – пятьдесят процентов, – сказала она, и добавила, чуть подумав: – И... я больше не хочу видеть этого пилота.

– Принято, мисс Стоун.

Глава 2 – Ларкетт

Ураган стих к обеду. Может, метеорологи разогнали – кто его знает? Под вечер, спустившись в колодец нулевого района, Ноа даже пожалел об утренней свежести: так тяжело было вдыхать промасленный тягучий воздух. Смог, царящий здесь практически круглые сутки, давил на грудь и снижал видимость почти до нуля. Подумав немного, Ноа Ларкетт надел кислородную маску перед тем, как покинуть салон аэрокара.

Это был Окто-Ган, промышленный район Метрополя; здесь селились те, у кого не было денег на апартаменты в Саото-Гане – бизнес центре городе. Уж там-то точно всегда свежий ветер, об этом Ноа знал не понаслышке. Каждый день он брал по несколько заказов из Саото-Гана, и это далеко не всегда был Первый класс.

Дерзкие юноши и девушки, лишь на пару лет младше него, офисные клерки, работающие на них, премиальные эскортницы, обслуживающие этих самых клерков. Иногда попадались молчаливые приезжие из восточных провинций, политики и бизнесмены, не снимающие визоров. Или заносчивые болтуны, как сегодняшняя деваха.

И чего она о себе думает? Решила угрожать ему? Ха! Будто ему не угрожают каждый день вещами пострашнее, чем увольнение. Ноа хотел было выбросить ее перчатки на помойку, но подумал, что она наверняка вспомнит о них и захочет вернуть.

“Лучше уж я сам, – подумал он. – Завтра вечером”.

Сегодня он мечтал только об одном: прийти домой и побыстрее упасть в кровать. Пока чувство голода не накроет. Нет, Ларкетт не бедствовал и уже давно не голодал, но тащить домой еду не очень хотелось, в основном из-за Скотта, конечно.

Сводный брат, с которым Ноа приходилось жить, съедал все, что находил за один прие- сест. Поужинал Ноа примерно час назад, в забегаловке на выезде из Саото-Гана. Значит, если удастся быстро уснуть, он протянет до утра без голодных спазмов в животе.

Проходя мимо дешевого мотеля, из которого на него не мигая смотрела неряшливого вида Майко Минус, Ноа задумался и оступился. Ботинок соскочил в маслянистую лужу – просто прекрасно. Рыжий кот, сидящий в ближайшей урне, испугался неожиданного плеска и кинулся прочь.

– Э-эй, – развел руками Ноа. – Да не трону я тебя, приятель! Иди, кушай свои объедки.

Год назад Ноа легко составил бы рыжему компанию, но не сейчас. Научившись сносно водить практически любое транспортное средство, он нечасто бывал на мели. Если только какая-нибудь девчонка из Первого класса не ставила ему минусы.

Решив проверить баланс на счете, Ноа достал из кармана телефон. Он не интегрировал операционку в свой мозг, как почти все вокруг. Почему – об этом Ларкетт предпочитал молчать. Компания, с которой он связался год назад, вынудила его вести двойную игру. А это означало никаких нейрочипов.

– Кто-то чаевые накинул? – удивился Ноа, глядя на подросший баланс за сегодняшний рабочий день. – Неплохо! Спасибо, приятель!

Однако удивление Ларкетта возросло до небес, когда он открыл список полетов за прошедшую смену.

“Стоун... Это она? Еще и высшую оценку поставила, надо же!” – остановившись в пятидесяти метрах от своего дома, Ноа невольно улыбнулся. Он вспомнил покрасневшие щеки этой девушки... симпатичная, хоть и стерва.

С легкой полуулыбкой Ноа добрел до темного закоулка. Вот и он, его дом. Лишь одинокий фонарь возле аптеки напротив освещал это место, тогда как старый муравейник (точнее, человек) был погружен во мрак.

Очистители воздуха, кондиционеры, антенны и сплетение проводов превращали его фасад в тело огромного металлического спрута. Когда-то здесь жило много семей и по вечерам дом напоминал улей, однако пару лет назад человеиник признали аварийным, и большинство семей расселили.

Ноа и Скотт остались, как и несколько других постояльцев. Семья нелегальных иммигрантов, продавцы дури, престарелый киборг – да уж, хорошая компания. Если бы не обещание, данное Хайгеру, Ноа давно бы свалил подальше от брательника. И этого места, в котором все вокруг сдавливало его словно тисками.

Со вздохом посмотрев в черноту закоулка, Ноа Ларкетт развернулся и быстрым шагом направился назад к своему аэрокару.

“Лучше верну перчатки сегодня”, – решил он.

Тучи совсем рассеялись – перелет до Саото-Гана не занял и пяти минут. То и дело Ноа отвлекался на иллюминатор: его взгляд невольно цеплялся за вынырнувшие из-за облаков звезды и луну. Несмотря на усталость, он чувствовал прилив сил, а еще какое-то необъяснимое вдохновение.

“Должно быть, из-за баланса на счете”, – сказал он себе.

Показался ее дом, точнее этаж в небоскребе, с аккуратной посадочной площадкой и личной оранжереей, припорошенной снегом. Неяркий свет горел лишь в одной из комнат, что делало этаж мисс Стоун похожим на перегоревший элемент ёлочной гирлянды. Тогда как весь остальной небоскреб сиял огнями, ее квартира выделялась своей сдержанностью.

“Неужели она уже спит? – невольно подумал он. – Время всего одиннадцать!”

Силуэт мисс Стоун показалась за стеклянными дверями-сёдзи, стоило Ноа закончить посадку. Ну конечно, умный дом уже оповестил хозяйку о незваных гостях. Вспомнит ли она его? Не вызовет ли полицию? Об этом Ларкетт как-то не подумал.

Выйдя из аэрокара, Ноа помахал ей, словно говоря, что он пришел с миром и не намерен вламываться в ее жилище.

– Пилот? – удивленно произнесла Стоун; она вышла на веранду прямо в домашней пижаме из легкого струящегося материала. – Что ты себе позволяешь?

– Вы забыли перчатки, мисс, – взгляд Ноа невольно скользнул по очертаниям ее фигуры. Он протянул ей пару элегантных кожаных перчаток, но девушка не спешила их брать.

– И что? Почему не оставил их службе заботы? Дрон привез бы мне завтра, – Фелисити (он даже вспомнил ее имя) смотрела хмуро; неужели он и правда ее разбудил?

Ноа продолжал стоять с перчатками в руках. Поднялся ветер, и изогнутые стволы японских кедров жалобно заскрипели.

– Мисс, возьмите пожалуйста, – Ноа поежился: его старая кожаная куртка категорически не подходила для прогулок под свежим ветром на двадцать третьем этаже.

– Спасибо, – наконец сказала мисс Стоун и приняла перчатки. Их пальцы бегло соприкоснулись, и рука Фел показалась Ларкетту ледяной.

– Иди домой, замерзла насквозь, – невольно бросил он, поежившись.

На лице Стоун, освещенном с одной стороны броскими неоновыми голограммами, а с другой стороны холодной и такой неуместной луной, отобразилось удивление. Ноа подумал, что сейчас она снова накинется за него за неугодный тон, дерзость или то, что обращается к ней на “ты”. Но Фелисити молчала.

Шли минуты, а они все стояли друг напротив друга.

– Ты точно заболеешь, – сказал он, поежившись. Вдруг осознал, что улыбается как дурак.

“А почему ты не уходишь, остопоп? Садись уже в машину”, – почти приказал он себе.

– Мистер Ларкетт, верно? – спросила Стоун и посильнее обняла себя руками, чтобы согреться.

– Можно просто Ноа.

Она задумалась, всего на мгновение.

– Ноа. Ты мог бы помочь мне кое в чем? – склонив голову на бок, несмело спросила Фелисити. – Раз уж ты прилетел.

“Вау. Гражданин Первого класса не приказывает, а *просит* помощи у гражданина Второго? Это что-то новенькое!”

– Да, без проблем, – слова слишком быстро сорвались с языка.

– Нужно зайти в дом, – произнесла Фелисити, и парень заметил, как старательно она скрывает смущение.

– Хорошо.

Ноа проследовал за мисс Стоун, стараясь держаться как можно увереннее. Теплое жилище было изысканным и уютным: гостиная с роскошной кроватью king size, камин, брошенная школьная одежда – кажется, кое-кто здесь аккуратностью не отличался. Впрочем, бардака Фелисити не стеснялась – ну конечно, ведь он для нее всего лишь облуга.

– У тебя тепло, – прокомментировал Ноа. – И мило.

“Заткнись! Она тебя не в гости пригласила!”

– Угу, – бросила Фел, не оглядываясь.

Ноа думал, что она ведет его на кухню или в ванную комнату, но к его удивлению мисс Стоун привела его в еще одну спальню, поменьше.

Там было темно; одноместная кровать расправлена, на простынях лежала раскрытая бумажная книга. Отчего-то Ноа был уверен, что мисс Стоун спит именно здесь.

“Зачем она привела меня сюда? Она же не собирается...” – Ноа смутился от собственных мыслей.

– Дело в моем термостате, – наконец сказала Фел и указала на небольшую панель на стене. – Ты бы мог посмотреть, что с ним не так?

– Эм-м, – Ноа выдохнул, не зная, с чего начать. – Мисс, я пилот. Не электрик и не программист. К сожалению.

– Да-да, я знаю, – Фелисити нетерпеливо скрестила руки на груди; в темноте ее силуэт выглядел еще меньше и тоньше. – У меня три спальни. Вот уже неделю я ночую в разных комнатах, и каждый раз, когда я ложусь спать, температура начинает повышаться на один градус каждый час.

– Так, – Ноа все еще не понимал.

– Это не базовые настройки. И не моя программа, – пояснила она.

– Ты пробовала обращаться в службу заботы? – осторожно спросил Ноа.

– Не держи меня за дуру, пилот! – воскликнула она и добавила с досадой: – Нужно было отпустить тебя...

Она вышла из комнаты в освещенный коридор, и по раздосадованному лицу девушки Ноа понял, что ситуация со спальнями действительно терзает ее. Усталая, без макияжа, она выглядела взрослее, чем утром.

“Должно быть, нервничает перед тестированием, – подумал Ноа. – Придумывает себе всякое”.

Тестирование проходил каждый житель Метрополя на свой шестнадцатый День Рождения. Эту дату не принято было отмечать, ведь в этот день решалась твоя судьба. Жизнь в Первом классе навсегда заканчивалась, и гражданин переходил либо во Второй класс, либо – что было реже – в Третий. В класс одаренных.

Распределение на ту или иную профессию происходило чуть позже; иногда требовались тесты, чтобы выявить склонности и сильные стороны гражданина Второго класса, иногда учитывались даже пожелания. В целом, некоторые “Вторые” даже жили неплохо, если не умирали от голода во время обучения.

В последние годы в связи с повышенной роботизацией общества, Второй класс разделился на две категории: те, кому повезло исполнить свою мечту и стать, например, врачом или политиком, и те, кто с верхов спустился на самое дно. Сиделки, живые игрушки, эскорт, обслуга... Пилоты, вроде Ноа стояли на ступень выше этой прослойки, однако их жизнь среди копоти нулевых районов не сильно отличалась от бытия преступников и отбросов общества.

Другое дело – Третий класс. Везунчики, выигравшие эту жизнь.

Семьдесят лет назад, во время правления династии Шан, одаренные жили на затерянном в океане острове. Но после серии террористических актов, восстания и бегства одаренных на материк, президент Лил Дель Пао утвердила новую программу. Отныне представители Третьего класса жили в Метрополе, хоть и по своим собственным правилам.

Взглянув на Фелисити, Ноа на мгновение подумал, какая жизнь ее ждет во Втором классе. Впрочем, кем бы ты ни стал, снимать корону величия и вседозволенности всегда неприятно. Глядя на то, как Фелисити сложила руки на груди, словно пытаясь защититься от жестокого мира, Ноа подумал, что будет, если через год они станут соседями? Разумеется, если она не откроет в себе одаренность.

– А как по твоему, в чем дело с этим термостатом? – спросил Ноа, выходя в коридор. Теперь он был уверен, что просто так не уйдет.

– Не знаю, – Фел нервно пожала плечами. – Точнее, у меня есть одна версия.

– Расскажи.

Неожиданно он оказался к ней так близко, что мог при желании дотронуться. Только это не привело бы ни к чему хорошему, и неважно, какие эмоции вложил бы в прикосновение мистер Ларкетт. То, что они вообще вот так разговаривают друг с другом – немыслимо само по себе, и уже подлежит наказанию.

Первому и Второму классу нельзя было совершать социальные интеракции без веских на то причин. Даже с родителями они расставались слишком рано: в возрасте восьми-девяти лет среднестатистический гражданин Первого класса начинал жить отдельно.

Считалось, что одаренность может проявиться лишь до шестнадцати. И этому нельзя было мешать.

За неформальное общение между гражданами Первого и Второго класса предусматривалось наказание.

Фелисити могли отчислить из школы.

Пилота вроде Ноа – просто убить.

– Кто-то взломал операционку умного дома, – прошептала Фелисити.

Ноа фыркнул, но тут же взял себя в руки.

– При всем уважении, мисс, зачем это кому-то?

– Не знаю! – мисс Стоун всплеснула руками. – Температура повышается не во всем доме, а лишь там, где я сплю! Раньше я спала в большой комнате, но после того, как заметила эти сбои, переехала в гостевую спальню...

“Кажется, кто-то здесь всерьез верит в теорию заговора”, – Ноа старательно делал вид, что внимательно слушает.

– В гостевой история повторилась, словно некто сознательно управляет моим термостатом. Теперь я сплю в этой, самой маленькой спальне, но и тут происходит ровно то же самое!

Когда она закончила говорить, воздуха в ее легких почти не осталось.

Ноа выдержал паузу, словно давая ей собраться с мыслями.

– Мой вопрос остается тем же, – спокойно и вкрадчиво проговорил он. – Зачем кому-то поднимать температуру в твоём доме?

– Чтобы поджарить меня? – Фелисити и сама улыбнулась своей версии.

Неожиданно, словно заметив, что пилот и впрямь стоит к ней слишком близко, девушка отстранилась и повела его обратно в просторную гостиную.

– Воды? – спросила она на ходу.

– Да, пожалуйста, – ответил молодой человек: во рту его давно пересохло.

Ноа нечасто был в гостях у граждан Первого класса... по-правде говоря, он не мог вспомнить, было ли такое вообще. Ожидая Фелисити в гостиной, он рассматривал ее фотографии с подружками и ловил себя на мысли, что никогда по-настоящему не знал роскоши элиты. Даже будучи ее представителем в тринадцать и пятнадцать лет, он продолжал заботиться об отце, сидящем на экстазине.

– Держи, – Фелисити протянула ему воду, и их руки снова соприкоснулись.

“Уже не такая холодная”, – подумал Ноа и залпом осушил стакан.

– Что ж, раз ты ничем не можешь помочь, я больше не задерживаю тебя, – мисс Стоун устало потеряла переносицу.

– Я могу остаться на ночь, – как бы между делом предложил Ноа. – Поспать в каждой из спален, чтобы проследить за повышением температуры.

– Да, класс, – Фел посмотрела на него словно на умалишенного. – Ты останешься ночевать у меня, почему бы и нет? Но завтра тебе придется уйти, ведь мои ночевки с пилотами расписаны на месяц вперед.

Ноа усмехнулся: ему даже не было обидно. Не в этот раз.

– Ты сама пригласила меня, – напомнил он, возвращая стакан.

– Потому что ты привез перчатки, – Фелисити жестом велела поставить стакан на тумбочку; руки ее при этом были скрещены на груди.

– Я хотел выбросить их, – сам не зная зачем, сказал Ноа.

– Так почему не выбросил? – Фелисити нахмурилась.

“Хороший вопрос. Потому что ты зацепила меня чем-то”, – невольно подумал Ноа и вернулся к окну. Ветер, похоже, улегся: больше не гнулись стволы изогнутых японских кедров, да и луна окончательно вылезла из-за туч и теперь подсвечивала оранжевую, точно холодный фонарь. Идеальная погода и момент, чтобы лететь обратно.

Он не был джентльменом и никогда не стремился им стать. Ноа часто ловил себя на мысли, что никогда не делает чего-то для людей без выгоды для себя. Было ли так всегда или началось с момента его вступления во Второй класс – этого он вспомнить не мог.

– Наверное, потому что ты оставила мне хорошие чаевые, – наконец произнес он.

Фелисити вскинула брови, а ее губы исказила холодная, дежурная улыбка, предназначенная для общения с обслугой.

“Ты лжешь мне, значит и мой черед быть неискренней”, – словно прочел Ноа на ее лице.

– Что ж, доброй ночи, мисс, – кивнул Ларкетт и вышел в холодную ночь.

Фелисити Стоун ничего не сказала вслед, а он не обернулся.

Глава 3 – Стоун

Ноа вернулся домой в третьем часу ночи: долго летал над городом, чтобы выгнать из головы всю дурь.

Фелисити зацепила его; он не мог понять чем, но образ девушки, ее фарфоровая кожа под струящейся шелковой тканью, преследовали его, точно наваждение.

Он долгое время считал, что его сердце навсегда принадлежит другой. Но после того, что случилось с Терезой, после того, что *они* сделали с ней, Ноа не был уверен, что остался для нее тем же самым.

Тереза изменилась до неузнаваемости. Иногда Ноа даже ловил себя на мысли, что теперь они чужие люди.

“Эта Стоун иная, не такая как Тереза. Представительница Первого класса – какого черта, Ларкетт?! – твердил он сам себе. – То, о чем ты сейчас думаешь, запрещено законами Метрополя!”

Однако то, как доверчиво Фелисити пригласила его в дом, то, как провела в свою спальню и попросила *помочь* ей – тронуло Ноа до глубины души.

Чисто теоретически: он ведь мог ограбить ее. Мог изнасиловать.

“О чем она думала? Живет одна и приглашает в дом пилота такси?!” – то и дело мысленно фыркал он, описывая круг за кругом над ночным городом.

В полтретьего ночи, Ноа привычно поднялся по пожарной лестнице челевейника, чтобы бесшумно пролезть в кухонное окно. Впрочем, он беспокоился зря: Скотта не было дома.

Безуспешно поискав в холодильнике хоть что-нибудь съедобное, Ларкетт завалился спать.

Пробуждение было жестоким: Скотт стоял над ним с налитыми кровью, остекленевшими глазами и поливал его... нет, даже не водой. Вонючей дрянью из пивной бутылки.

– Какого дьявола?! – Ноа вскочил с кровати и гневно уставился на сводного брата. Тощий, со светлыми спутанными волосами, в свои двадцать три года Скотт был копией их отца. Он работал автомехаником по распределению протектория, однако в последнее время дела его шли не очень. Вначале из-за пристрастия к алкоголю, а затем к экстазину.

– Где вся жрачка? – хрипло спросил Скотт. Он еле стоял на ногах, тогда как глаза его бегали с бешеной скоростью – первый признак передоза.

– А я откуда знаю? Я пилот, а не служба доставки, – проворчал Ноа, инстинктивно обходя брата на расстоянии вытянутой руки. Снял облитую дерьмовым пойлом футболку, отбросил в сторону. Потом уберет, сейчас лучше держаться от братца подальше.

– Деньги есть? – негромко спросил Скотт. Он знал, что есть, мог бы и не спрашивать.

– Для тебя – нет, – Ноа прошагал к двери, но Скотт остановил его, железной хваткой впившись в плечо. Он был силен, точнее, это адреналин вселял в него чувство всесильности. Ты быстр, ты работоспособен, тебе горы по плечу – именно поэтому люди и подсаживаются на допинг. Ноа никогда не пробовал его, но на примере Скотта знал, что расплата бывает тяжелой.

Он видел, в какую тряпку братец превращается всякий раз, когда у него заканчивается эта дрянь.

– Ты хочешь, чтобы я отделал тебя? – Скотт хищно склонил голову набок – плохой признак.

Ноа невольно поморщился.

– Нет? Тогда переведи мне денег.

Ноа попытался сбросить руку Скотта; деньги были нужны ему, ведь это именно он платил за чертову квартиру в чертовой дыре.

– Бра-а-ат, – протянул Скотт; Ноа хорошо знал эту его манеру: он делал так всегда, когда собирался избить его.

– Ладно! Отпусти меня.

Ноа достал из под подушки телефон и приложил его к запястью Скотта. Баланс на его счете начал стремительно падать, монета за монетой. Тогда как братец обогащался, не прилагая никаких усилий.

– Стоп, – велел Ноа, но Скотт крепко прижал телефон к своему покрытому липким потом запястью.

– Качай все без остатка, – сказал он.

“Ну уже нет!” – Ноа сжал зубы до хруста.

Он вырвал телефон и бросился к двери напролом, надеясь, что Скотт слишком пьян, чтобы достать его. Но он ошибался.

Удар кулаком в челюсть сместил траекторию Ноа в сторону окна. Если бы не решетки, он наверняка выпал бы и разбился насмерть. Следующий удар пришелся под дых, затем снова в челюсть. Скотт швырял его из стороны в сторону, словно щенка: наверняка со стороны это выглядело жалко.

В какой-то момент Ноа почувствовал привкус крови во рту. Дело плохо, еще пара ударов по лицу, и его не пустят на работу, пока все не заживет.

– Стой, – произнес Ноа, на долю секунды опережая очередной удар. Выдохнул, оперся о стол. – Ладно. Я все отдам.

Скотт хищно ухмыльнулся. Он победил, снова. Он всегда побеждал. Единственная причина, по которой Ноа не прикончил братца и не съехал от него: он обещал Хайгеру не привлекать к себе внимания, а эта дыра была самой надежной из всех.

После успешной сдачи экзамена, Хайгер обещал Ноа отдельную комнату. Оставалось лишь дожждаться этого момента.

Баланс Ноа опустел до нуля. Когда Скотт наконец хлопнул дверью, Ларкетт едва ли не глотал слезы от обиды. Лицо саднило, живот болел, словно его начинили горящими углями. Впрочем, поесть он все равно сможет не скоро: денег не было ни на еду, ни даже на топливо. И надо ли было рассекать пол ночи над городом?!

Пропикал будильник. Кое-как подняв себя с дивана, на котором он, прижав руки к животу, сидел последние двадцать минут, Ноа направился в душ. Смыл с себя остатки пива, обработал разбитую нижнюю губу.

Для семнадцатилетнего парня он был довольно крепким, но у Скотта просто не было тормозов. Вытеревшись насухо, Ноа достал тональный крем и легонько закрасил места соприкосновения с кулаками братца.

Когда-то давно, умирая от стыда, он купил эту баночку в магазине косметики. Тогда вопрос стоял ребром: либо Ноа маскирует следы побоев (из-за разлитой банки пива Скотт избил его чуть ли не до полусмерти), либо работы не будет в ближайшую неделю.

Службе такси не нужны были пилоты с разбитой физиономией, и мистер Ларкетт это понимал.

По началу результат был катастрофическим, однако вскоре Ноа научился довольно сносно ладить с косметикой, и даже подумывал о том, чтобы купить себе еще и кисточку.

“Лучше мне просто не попадаться ему на глаза”, – подумал Ноа, критически осматривая то, что получилось. Неплохо, почти не заметно. Если бы также легко можно было починить то, что разбивалось внутри всякий раз.

Он прилетел в офис, расположенный в одной из башен Твин Тауэрс за десять минут до начала смены. Подумал даже взять кофе своему менеджеру Такаеме, но вовремя сообразил, что его баланс все еще на нуле.

Конечно, он мог пойти к Хайгеру, однако Ларкетту не хотелось в очередной раз выставить себя не умеющим постоять за себя желторотым птенцом.

“Я попрошу аванс”, – Ноа не сомневался в своем успехе. Посадив аэрокар в свободный док, он на какое-то время задержался, чтобы причесать волосы. Сегодня нужно произвести хорошее впечатление на босса.

Мельком взглянул на пассажирское сиденье: пусто, конечно же.

“Я бы мог починить ее термостат, – мысль промелькнула в его голове. Мысль, от которой живот Ноа словно бы перестал болеть. – Попросить перечислить мне несколько... Нет! Нет, и хватит уже об этом!”

Он не хотел быть в долгу у гражданина Первого класса. К тому же, Ноа почти убедил себя в том, что Фелисити пригласила его зайти по ошибке. И наверняка уже пожалела об этом.

Встреча с Такаемой сразу пошла не по плану. Босс был не в духе: растрепанные волосы на висках, следы от обруча на лбу, какие бывают лишь после ночи в дешевых виар клубах... Интересно, сколько он просадил за последние сутки?

– Аванса не будет, – Такаема обрубил надежды Ларкетта на корню. – Ты теряешь клиентов, парень.

– Что? – Ноа не понимал, о чем он говорит, ведь его рейтинг был безупречен.

– Тебя заблокировали, – Такаема ничего не забывал и всегда был в курсе репутации своих пилотов.

– Кто? Почему? – Ноа не отставал от босса, следуя за ним по пятам.

– Это меня уже не волнует, – босс остановился возле кофемашины и приложил запястье к терминалу. Ноа тем временем судорожно просматривал свои полеты... что же он пропустил? Какая сволочь отправила его в бан?

– У меня много пилотов, парень, – Такаема устало потер глаза. – Мне без разницы, кто работает больше, кто меньше. Один в блоке, значит другой выполняет его работу. Но если все будут в блоке, тогда что? Вozить малолеток будем уже не мы, а “Вортекс”!

“Вортекс” – конкуренты компании, где работал Ноа. Такаема ненавидел их, впрочем, эта ненависть была хорошенько припрятана за маской лстивого благолепия.

Но мистер Ларкетт уже не слушал. Он нашел того виновника: мисс Стоун заблокировала его, поставив одновременно высокий балл и накинув чаевые!

“Стоун, ну ты и...”, – Ноа не мог подобрать слов. А Такаема уже подхватил стаканчик американо и теперь направлялся в свой кабинет.

– Мне не выйти на смену без аванса, – негромко сказал Ноа. – Я попал... в неприятную ситуацию.

Гордость не позволяла ему рассказать о том, что Скотт сделал с ним.

– Мне бы лишь машину заправить, – произнес Ноа, ощущая, как его живот сводит от голода.

– Бери служебную, – махнул босс, скрываясь за дверью.

– Спасибо, мистер Такаема! – Ноа готов был упасть перед ним на колени: не то от накатившей слабости, не то от облегчения.

Служебной машиной оказался покоцанный красный аэрокар (“Красный? Кто вообще красит машины в красный цвет?”). Заведя его, Ноа взмыл в серое от густого смога небо, даже не прогрев двигатель. Злость и голод двигали им, но злость не к Скотту и не к жестокой реальности. Фелисити Стоун, и то как она повела себя с ним – вот что не давало Ноа покоя. Набрав высоту так резко, что уши заложило, Ноа направился по знакомому маршруту: нужно было задать девушке несколько вопросов.

На утро снежная буря окончательно улеглась. Тучи разогнали метеорологи, и личный пилот Фелисити Стоун по обыкновению забрал ее с хелипорта в семь сорок пять.

– Как добрались вчера, мисс? – пилот из компании “Вортекс” возил Стоун чуть ли не с первого класса, а она так и не знала его имени. – Не опоздали?

– Нет, все в порядке, – рассеянно отозвалась Фел. – Водитель попался... приткий.

Уши ее в очередной раз начали пылать: и как ее угораздило пригласить домой этого Ларкетта? О чем она вообще думала? А если бы он...

Фел тряхнула головой и взглянула на проплывающие внизу сизые облака. Нет, Ноа не стал бы приставать к ней. Только сумасшедший пошел бы на такое, ведь всем известно, что обхитрить сканеры в Саото-Гане практически невозможно. Умный дом считал данные о госте мисс Стоун в тот самый момент, когда Ноа переступил порог, и не только по сетчатке глаза: всем гражданам Второго класса в мозг был имплантирован специальный датчик.

Это и компьютер, и личный врач, и радио, и даже приятный собеседник при желании, но самое главное – это способ следить за тем, чтобы Вторые вели себя подобающим образом.

– Приткий говорите? – уточнил пилот. – Без инцидентов долетели?

– Быстро, – ответила Фелисити.

– А мы долетим безопасно и быстро, – он подчеркнул слово “безопасно” и подмигнул в зеркальце дальнего вида. Однако подмигивание вышло скупым, дежурным, в отличие от настоящего огня, который горел в глазах Ноа во время их полета. Вспомнив о Ларкетте, девушка вновь покраснела и отвернулась к окну.

Неожиданно в голову ей пришел сон, который привиделся ей сегодня под утро. В нем Фелисити шла по лесу, залитому солнечным светом. Она никогда не была в таком лесу; заповедники, в которые они приезжали на внеклассные занятия, были темными и недружественными, тогда как этот лес буквально излучал спокойствие.

Взглянув на свои сложенные на коленях, бледные до прозрачности ладони, Фелисити вспомнила, что во сне ее вел за руку человек. Его лицо все время ускользало от нее, тогда как их связь, глубокий и даже интимный контакт между ними был настолько ярким, настолько неприкрытым, что от воспоминаний об этом сейчас, сердце Фел гулко забилося.

Прикрыв веки, она воскресила перед глазами образы из сна. Вот человек ведет ее через чашу, и Фелисити может видеть, как по его одежде скользят косые лучи солнечного света. Вот он оборачивается и что-то протягивает ей... что-то есть у него в руках...

Аэрокар несильно тряхнуло. Фел открыла глаза: пилот мягко вышел из пике и теперь сиделся на школьный хелипорт.

– Благодарю, желаю хорошего дня, – буднично пробормотала она, собирая свои вещи. Еще мгновение назад морок минувшей ночи был объемным, точно один из кирпичиков реальности, но сейчас, по мере того, как Фел приближалась к зданию школы, сон распался на пиксели, совсем как двумерная картинка из игры позапрошлого века.

Пикнув пропуском, Фелисити вошла в просторный, наполненный звуками холл. Вечная зелень этого места, водоемы с утками и карпами кои всякий раз вызывали у Фелисити чувство защищенности. В шесть лет, когда она впервые пришла сюда, школа показалась ей огромным дворцом; в десять она с подружками гадала, какие одаренности откроются им в будущем. В тринадцать Фел все еще верила, что у нее достаточно времени... но сейчас, когда возраст распределения из “когда-нибудь” превратился в определенную дату на календаре, вера Фелисити превратилась в отчаяние.

Ее одаренность не спешила просыпаться.

“Еще одиннадцать месяцев!” – твердила она себе.

“Еще девять! Куча времени!”

“Всего три месяца”, – обреченно подумала Фелисити в начале прошлой недели. Ее шестнадцатый день рождения приближался, а способности не спешили открываться.

Да, порой Стоун видела яркие сны, в которых фигурировали незнакомые люди. Но что это были за образы? Если видения о будущем, то как доказать их ценность комиссии?

Больше всего на свете она боялась попасть во Второй класс. Ей казалось, что худшего наказания просто невозможно придумать. Думая о том, как она из своего дома переедет в трущобы, как из роскошных школьных платьев перелезет в униформу какой-нибудь рабочей на заводе, Фелисити ощущала тошноту.

Что она будет есть? А если она заболеет? Без школьной страховки она не сможет покрыть нормальное лечение.

– Привет, Стоун! – Хоши подхватила ее под руку. Одноклассница получила штамп одаренности в пятнадцать лет за – как Фелисити казалось – совершенно не нужную способность: Хоши запоминала все имена, которые она когда-либо слышала.

И тем не менее у Хоши уже был пропуск в мир Третьего класса. Тогда как у Фелисити его не было.

– Привет, – сдержанно ответила Фелисити. Хоши нравилась ей за то, что не трепалась насчет своей одаренности. В отличие хотя бы от тоже же Мёрфи Ванг, которая с шести с половиной лет была прописана в Третий класс. Она могла неделями отсутствовать в школе и помогать ученым в работе с темпоральными кристаллами, однако чем именно она занималась, никто не знал. Иногда суть одаренности слишком сложно объяснить простыми словами, чем и пользовалась Мёрф, создавая вокруг себя шлейф таинственности.

– ...поговаривают о новой эпидемии. Вакцина тестируется на Вторых и совсем скоро, после устранения побочных эффектов, будет доступна и Первому классу... – с упоением рассказывала Хоши.

“Ну ладно, если я все-таки попаду во Второй класс, ведь жизнь же не закончится, правда? Я могла бы работать врачом, – думала Фелисити, рассеянно скользя взглядом по лицам курсирующих туда-сюда школьников. – Нужно было идти на подготовку в прошлом году. Набрала бы баллов по физики и химии...”

– Мне кажется, это несправедливо, что мы получаем вакцину сразу же после Вторых. Я считаю, что нужно выделить ряд добровольцев из Первого класса, ведь всем известно, насколько сильно отличаются Второй и Первый...

– Что? – переспросила Фелисити.

– Нужно выделить ряд добровольцев из Первого класса, ведь всем известно, насколько сильно отличаются Второй и Первый классы, – слово в слово повторила Хоши.

– И чем же они отличаются? Второй класс – это просто взрослые мы, – Фелисити была настолько ошарашена заявлением одноклассницы, что даже остановилась.

– Я думала, ты меня даже не слушаешь, – Хоши смущенно улыбнулась. – Думаешь о своем, как всегда... В новостях говорят, что с возрастом многие клетки начинают функционировать иначе. Но интереснее совсем другое: почему ты вообще защищаешь Второй класс?

Фелисити покраснела: так много раз она говорила о различиях в классах, но никогда не говорила об их сходствах. До сегодняшнего дня.

– А, я поняла почему, – улыбка Хоши стала коварной. – Потому что ты сама скоро станешь одной из них!

Стоун хотела было возразить, но аргумент вроде “осталось еще три месяца” прозвучал бы смехотворно. Впрочем...

– Осталось еще три месяца, – Фел заправила каштановый локон за ухо. – И кажется, у меня есть кое-что...

– Правда? – Хоши искренне восхитилась; и хоть они с Фел не были близкими подругами, Фелисити мысленно поблагодарила ее за участие в своей жизни. – Расскажешь?

– Это что-то вроде видений, – теперь уже Фел подхватила одноклассницу. – Во сне я вижу... разных людей. Незнакомых. Мне кажется, это будущее.

– Вау, – протянула Хоши. – Хотела бы я видеть будущее!

Дойдя до раздевалки, девушки принялись переодеваться в купальники: первым уроком было плавание и заодно сдача нормативов. Фелисити любила плавать; вода всегда дарила ей ощущение невесомости и будто бы возвращения домой.

Так и сегодня: сделав все, что от нее требуется, Фел выдохнула из легких весь воздух и камнем начала погружаться на дно. Виски и нос сдавило, но от ощущения, что с каждым сантиметром ты все дальше, дальше и дальше этих оценок, правил, классов, условностей, Фелисити чувствовала себя свободной.

Чувствовала, что она может быть кем угодно.

Например, собой настоящей.

“Берегись!” – вдруг услышала она в своей голове.

От ужаса Фел распахнула глаза. Солнечные блики играли на стенках бассейна, приглушенно доносились сверху голоса и смех учеников.

“Берегись!” – бестелесная мысль, похожая даже не на голос, а на разряд электричества, загорелась и погасла в ее мозге, точно красная предупреждающая лампочка.

Ощувив острую потребность во вдохе, Стоун вытянулась струной и поплыла вверх.

Вокруг бассейна было слишком много народу. Порывисто хватая воздух ртом, Фел доплыла до бортика и цепко ухватилась за него пальцами.

– С тобой все в порядке? – вежливо поинтересовался ее одноклассник Теодор Стилл, сидящий рядом на краю бассейна.

– Да, в полном, – Фел глубоко вдохнула и накинула на лицо привычную маску равнодушного спокойствия.

Она не хотела привлекать внимания; выйдя из бассейна, Фелисити осушила волосы полотенцем и медленно направилась в душевую. Что-то определенно было не так, и ей нужно было время, чтобы все обдумать.

С одной стороны Фелисити пьянила радость: раз она слышит какие-то голоса, вполне возможно, что это пробуждается ее одаренность. Однако, с другой стороны, психическое расстройство, шизофрения, да хотя бы тот же “синдром шестнадцати лет” все еще не были побеждены человечеством.

Взяв завтрак, Фелисити увильнула от подружек и направилась в оранжерею, чтобы немного прийти в себя. Ее сердце гулко билось, а руки дрожали так, что сэндвич с тунцом едва ли не падал ей под ноги.

В голове же было два вопроса.

Первый: “Одаренность ли это?”

И второй: “От кого ей надо беречься?”

Укрытый уголок нашелся быстро: плетеное кресло было не слишком удобным, и уж точно не умело подстраиваться под анатомию потребителя, но Фел не волновало это. Она сидела в тени влаголюбивых растений, а прямо перед ней открывался вид на школьный двор. Фелисити могла видеть все, что происходит за окном, тогда как школьное платье цвета полыни и окружающие Фел кипарисы практически полностью скрывали ее от посторонних взглядов.

На поляне возле школы мелькнуло что-то красное, чужеродное. Аэрокар? Еще и служебный, с шашечками.

Приглядевшись к фигуре, стоявшей рядом с машиной, Фелисити окончательно расхотела есть: кажется, Ноа Ларкетт ждал кого-то возле ее школы.

И похоже Фелисити знала, кого именно он ждет.

Глава 4 – Неприкосновенность

– Что ты здесь делаешь? – отчего-то Фелисити была уверена, что Ноа давно наблюдал за ней. – Что-то случилось?

Оглянувшись по сторонам, она подошла чуть ближе. В публичных местах, и уж тем более на территории школы, представителям разных классов надлежало соблюдать дистанцию в полтора метра.

– В чем дело, Стоун? Тебя смущает, что я здесь? – Ноа косо усмехнулся, и Фел поразились тому, насколько вымученной и болезненной была его ухмылка. На мгновение Фел даже показалось, что Ноа сознательно не включает мышцы одной половины лица, словно оберегая себя от неприятных ощущений.

– Пилотам нельзя покидать аэрокары на территории школы, – сдавленно сказала она. Сегодняшний Ноа пугал ее, и от мысли, что вчера этот гражданин Второго класса был у нее дома, внутри все промерзло до костей.

– И что с того? – Ноа не смотрел ей в глаза; он стоял, прислонившись спиной к своей машине, а руки на его груди были скрещены. Сейчас, при свете дня, Фел видела, что они практически ровесники. Однако год, проведенный во Втором классе сказался на его внешности самым невыгодным образом.

Потрепанная кожаная куртка с парой заплат, красивое лицо, но между бровей уже пролегла морщинка. В глазах, таких выразительных, постоянное ожидание угрозы, да и вся его фигура, поза словно готова к атаке... Нет, не так: к отражению атаки. Фелисити видела, как играют желваки на его скулах, словно Ноа жил в постоянной борьбе за свою жизнь. Хотя, почему “словно”? Он действительно жил в постоянной борьбе, она чувствовала это.

– Что будет, если я не сяду в аэрокар? – насмешливо повторил он. – На меня наступит малышня из Первого класса?

– Я не понимаю тебя, – Фелисити старалась говорить тихо, но находясь на таком расстоянии друг от друга, сложно было вести диалог незаметно.

– Зачем ты заблокировала меня? – неожиданно Ноа взглянул ей прямо в глаза.

“Так вот в чем дело, – вспомнила Фел. – И правда, зачем я это сделала?”

– Прости. Я не подумала, – честно призналась она.

– Ну разумеется, – кивнул Ларкетт и, оттолкнувшись от аэрокара, запустил пальцы в свои волосы. – Вы никогда не думаете о последствиях своих действий! Я мог лишиться работы, поняла?

– Я могу снять ограничения.

– И ты сделаешь это, – Ноа стрался говорить спокойно, но Фелисити слышала, как его голос едва заметно дрожит от ярости. И самую малость – от усталости.

“Нет, приятель. Так дело не пойдет!”

Фелисити нахмурилась. Рядом со школьным хелипортом не было никого, кроме парочки завтракающих возле маленького пруда школьников. Однако те были настолько увлечены друг другом, что ни на кого не обращали внимания.

Никто не услышит, о чем они разговаривают.

– Ты, что угрожаешь мне? – спросила она.

– Как я смею, мисс? – снова эта ледяная усмешка. А тон – таким тоном Ноа мог произвести что-то вроде: “Тебе конец, Стоун”.

– Тогда попроси вежливо, пилот, – Фел прищурилась, чуть склонив голову набок.

Десять секунд они молча смотрели друг на друга; этого было достаточно для Фелисити, чтобы увидеть, как в его карих глазах разгорается ненависть к ней.

– Да пошла ты! – бросил Ноа и со всей силы ударил кулаком в дельфиний корпус своей машины. Фел вздрогнула, а разговоры у пруда быстро смолкли.

– Чтоб я еще раз... – начал было Ларкетт, садясь за штурвал, но вдруг поморщился, словно его пронзила резкая боль. Он мотнул головой и невольно коснулся своего живота под кожей; этот жест не остался незамеченным для Фел.

– Ты в порядке?

– Не твое дело, – огрызнулся он, заводя двигатель.

Разговор у пруда возобновился, однако сейчас Фелисити отчетливо слышала, как стайка дронов направляется к ним, чтобы вовремя зафиксировать возможный противоправный контакт между представителями разных классов.

– Прости, что я заблокировала тебя, – быстро сказала Фел, пока Ноа не взмыл в небо. – Это был дурацкий поступок, мне правда очень жаль.

Ей захотелось ободряюще коснуться его смуглой руки, лежащей на штурвале, но всем своим видом Ноа давал понять, что их разговор окончен.

– Это не потому, что ты не понравился мне, – Фел говорила тихо, да и двигатель шумел. – Скорее, я просто почувствовала себя неудобно. Никто никогда не говорил со мной так, как ты.

Их глаза встретились, и Фел поняла, что он все расслышал.

– Садись, – вдруг сказал Ноа. Неожиданно, смело, противоправно. Но еще страннее было то, что Фел готова была согласиться. Даже несмотря на начало учебного дня, контрольную по математике, на то, что лететь вот так с пилотом, прямо со школьной площадки, также нелепо и безрассудно, как и пускать его в свой дом. И все же, Фел готова была лететь.

Пока не заметила одну деталь.

– Это не твой аэрокар.

– Не мой, – Ноа качнул головой; теперь он был достаточно близко к ней, настолько, что девушка смогла различить странные пятна на его лице.

– А это что, тональник? Ты подрался? – дроны уже окружили их, этикие осы, напичканные электроникой, однако Фел все еще закрывала Ларкетта своей спиной.

– Садитесь, мисс Стоун, если хотите продолжить диалог, – голос Ноа был ровным, однако глаза на миг взглянули умоляюще, и от этого сердце Фел сжалось от какого-то нового для нее чувства.

– Скажи мне, что происходит, Ноа, – Фелисити была непреклонна. – Я должна знать.

– Это служебный аэрокар, ясно? – Ноа нервно ударил по штурвалу ладонями. – И я не подрался... я просто живу с конченным уродом.

Этого было достаточно для того, чтобы Фелисити Стоун заняла свое место на пассажирском сидении.

Ноа набрал высоту, и школа, мелькнув еще раз под углом, быстро скрылась за облаками. Ларкетт молчал. Поймав себя на том, что уже несколько минут она по привычке рассматривает его глаза в зеркало дальнего вида, Фелисити смущенно отвернулась.

– Ты могла бы сесть рядом, – он усмехнулся. – Я не кусаюсь.

– Я знаю, – Фелисити невольно улыбнулась. – Ты же был у меня в гостях.

Теперь, когда они находились в одной машине, уровень напряжения между ними заметно снизился.

– Кстати, как твой умный дом? Снова включил режим микроволновки? – все та же улыбка во взгляде, от которой на душе Фел невероятно теплело.

– Да, с этим все стабильно, – Стоун вздохнула, вспоминая, как жарко было в ее спальне, когда она проснулась утром: вся в поту и с головной болью. Перед глазами вновь появились фрагменты из минувшего сна: вот молодой человек ведет ее за собой через залитый светом лес. В руках он несет что-то, какой-то подарок для нее – вот только что именно, она никак не может различить. Изображение размывается, ускользает, рассыпается, словно неосторожно задетая мозаика...

Должно быть, Фел надолго задумалась, потому что Ноа вдруг сказал:

– Это пройдет. Твоя тревога. Жизнь продолжится, даже когда ты перейдешь... – он вдруг осекся. – У тебя ведь нет одаренности?

Фелисити покачала головой.

– Значит, через год увидимся во Втором классе? – Ноа попытался улыбнуться как можно более мягко, но от его фразы Фел покорило.

– Только не рассказывай мне, что во Втором классе тоже неплохо живется, – она подперла кулаком щеку и уставилась в окно, за которым проплывали такие маленькие, идеальной формы облака, что все вокруг казалось ненастоящим.

– Зависит от распределения. Ну это ты и сама знаешь... кстати, если хочешь, я могу еще раз посмотреть твой термостат.

Фелисити взглянула в зеркальце дальнего вида, но Ларкетт отвел глаза.

– Правда? Кажется, вчера ты говорил мне, что ни черта не смыслишь в умном доме.

– Я говорил не так, и к тому же, за ночь у меня появилась кое-какая идея, – Ноа попытался улыбнуться, но вместо этого губы его скривились, точно от боли.

– Кстати, а куда мы летим? – спросила Фел.

– Поесть.

– Ты угощаешь? – разумеется, она шутила. Разбитое лицо, боль в боку, словно от треснувших ребер, служебный аэрокар, да и в целом то, что он явился вот так среди белого дня, да еще и предложил ей “посмотреть” термостат – все это говорило о том, что пилот Ноа Ларкетт был на мели.

Фелисити предугадала его реакцию: по лицу Ноа пробежала гневная судорога, а глаза сделались почти черными.

На мгновение ей даже показалось, что сейчас-то он вышвырнет ее за борт.

– Я угощаю, – сказала Фел. – Выбирай место.

“Уж я выберу место! – думал Ноа. – Как тебе понравится “Кикко”? или “Стар Стар”? С радостью посмотрю, как ты просадишь там все свои денежки!”

Впрочем, попасть в подобные злчные места гражданин Второго класса мог только двумя путями: в качестве сопровождающего (например, эскорт услуги) или самостоятельно после прохождения медкомиссии. Даже добропорядочные Вторые могли быть носителями социально-опасных заболеваний, которые так легко было подхватить в нулевых районах.

Но даже после всех этих комиссий, типа вроде Ноа могли не пустить в тот же Кикко. Просто потому что он был Вторым, а значит, должен был знать свое место.

Однако снизившись над Окто-Ганом, чтобы избежать столкновения с грозowymi облаками, Ноа почувствовал себя таким голодным, что забегаловка “У Джоджо” вдруг показалась ему рестораном с мишленовскими звездами.

– Интересный выбор, – прокомментировала Фелисити, когда они сели на пахнущий жирными шкварками хелипорт для посетителей.

Ноа промолчал. Ребра ныли: должно быть, Скотт сломал пару. Впрочем, тут он ничего не сможет поделать – медицинская страховка Ноа истекла три месяца назад.

Фелисити оплатила все, что он выбрал: бургер из мраморной говядины (целых тридцать пять процентов органики, если верить меню), картошку фри (органическая, но столько раз замороженная и размороженная, что на вкус как пластик), кофе и сладкую колу. Сама она взяла только воду, и то, открыв бутылку и понюхав содержимое, отставила в сторону.

– Что же с тобой случилось? – спросила она, с откровенным сочувствием рассматривая то, как он ест.

– Так, – Ноа старался есть максимально аккуратно и все же, соус, кажется размазался по его подбородку, – убери это выражение со своего красивого лица. Во-первых, я не нищий. Не нужно меня жалеть и смотреть вот так...

Фелисити откинулась на спинку дивана и закинула ногу на ногу. Ее тонкие белоснежные чулки и короткая юбка школьного платья были настолько неуместны здесь, насколько неуместна была бы роза посреди заваленного мусором пляжа Джамото-Гана.

Швейцар, широкоплечий человек Плюс, напряженно принялся смотреть на них, но Ларкетт мотнул ему головой, мол, расслабься, приятель, она здесь по своей воле.

– Смотреть как? – уточнила Фел.

– Как на бездомного без гроша в кармане, – Ноа потянулся за салфеткой.

Девушка хотела сказать что-то еще, но в этот момент с ближайшего билборда донесся громогласный призыв вовремя сделать прививку от DIP-3, а затем сразу же купить себе двойной бургер в качестве моральной компенсации.

“Я и есть бездомный без гроша в кармане. Разве можно назвать домом место, где я живу?” – думал Ноа, доедая пластиковую картошку.

– Во-вторых, – продолжил он, когда афиша умолкла. – Я бы никогда не попросил тебя об этом. Накормить меня – вот еще! Если бы сегодня утром...

Он выдохнул и уставился на стол с разноцветной силиконовой скатертью. Нет, пожалуй, на эту тему он точно не хочет говорить.

– Кто этот конченный урод, с которым ты живешь? – спросила Фел. В ее глазах не было пренебрежения или заносчивости, как у большинства Первых. По-правде, говоря сидеть с ней рядом в этой придорожной забегаловке было невероятно комфортно.словно... словно они были знакомы так давно.

– Мой брат. По отцу, – Ноа поднял на нее глаза и поразился тому, с каким пониманием они смотрели. – Он...

– Он избил тебя? – Фелисити наклонилась вперед, облокотившись о стол. – И забрал деньги, так?

Ноа кивнул. Он хотел сказать, что вообще-то так происходит нечасто. Обычно он всегда дает отпор этому козлу, но билборд снова ожил: на этот раз рекламой нового спа, который недавно открылся в пригороде Окто-Гана.

– Почувствуй себя снова в Первом классе! – сообщил томный женский голос. – Тебя любят и о тебе заботятся лучшие киборги...

– Черт бы тебя побрал! – ругнулся Ноа, стряхивая со стола мусор, который тут же подхватил робот-уборщик. Невозможно было общаться вот так, перекидывая этот треклятый билборд!

Однако в этот момент Фелисити неожиданно встала со своего места и пересела к нему, так близко, что ее юбка коснулась его джинсов.

“Будь мы в сколько-нибудь приличном месте, сюда бы уже неслись сканирующие дроны”, – подумал Ноа, глядя на резко сократившееся расстояние между ними.

– Ты сообщишь в полицию о том, что он сделал? – спросила она с тревогой в глазах. Было видно, что подобное неправомерное поведение было для нее дикостью.

– Нет конечно, – он фыркнул и снова на всякий случай вытер лицо салфеткой, чтобы окончательно устранить следы своей трапезы. – Полиции начхать на то, что происходит в нулевых районах.

– Ты там живешь?

– Да, Стоун, поэтому и в гости не приглашаю, – Ноа чувствовал жар ее тела, тонкий запах ее духов, и, признаться, был растерян от того, что она неожиданно оказалась так близко.

– А к врачу пойдешь? – настаивала Фел.

– Может быть, – Ноа решил не сообщать о страховке, иначе Фелисити решит, что он и правда достиг самого что ни на есть социального дна.

– У тебя что-то с животом, дай мне посмотреть, – неожиданно она потянулась к его футболке. Почувствовав, что краснеет по самые уши, Ноа отодвинулся от нее почти что к дальней стене.

– Как будто ты что-то понимаешь в этом, – за очередной усмешкой он пытался скрыть свою растерянность.

– Понимаю, я хожу на дополнительные уроки по первой помощи! – ловкими пальцами Фел подцепила край футболки и почти невесомо коснулась его ребер.

– Кажется, есть отек... Пожалуйста, вдохни глубоко!

Ноа вдохнул, но заметив, как на него смотрит швейцар, поперхнулся и закашлялся. Левый бок занял с новой силой – должно быть, дела его и правда были не очень.

– Эй, эй, стой, – он перехватил руки Фел. – Не лучше ли нам поехать к тебе, чтобы ты могла осмотреть меня как полагается? В спокойной обстановке?

– Думаешь, я заигрываю с тобой? – Фелисити нахмурилась и отодвинулась от него. – Я просто хочу тебе помочь, к чему этот подтекст?

– Какой такой подтекст?

– Сексуальный! – она даже не подумала понизить голос!

– Что ты... – Ноа оглянулся по сторонам: швейцар ушел куда-то, тогда как парочка синтетов за соседним столом прекрасно расслышала все. – Если здесь и есть кто-то, кто распускает... подтексты, то этот человек вы, мисс Стоун.

– Мне это не интересно. Я не встречаюсь со Вторым классом, – отрезала Фел.

– А я не встречаюсь с Первым, – выпалил он. Кожа все еще горела от ее прикосновений. “Зачем я все испортил? – подумал Ноа. Руки Фелисити были сложены на коленях, такие бледные, такие прозрачные. – Дал бы девчонке поиграть в доктора!”

– Прости, Фелисити, – примирительно сказал он. – Мне непросто...

Он замялся, не зная, как сформулировать то, что он испытывал.

– Доверять Первому классу? – Фел взяла со стола колу и сделала глоток прямо из бутылки.

– Вообще довериться кому-то, – сказал Ноа. Он не хотел пугать ее, но решил, что должен объяснить. – Знаешь, что происходит на шестнадцатый день рождения? Когда тебя переводят во Второй класс, тебе в голову вшивают датчик. Штуковину в твой мозг, чтобы следить за тобой! С тех пор твое тело больше не принадлежит тебе.

Ларкетт коснулся своего левого виска.

– Протекторий решает, где ты будешь жить, кем ты будешь работать. А иногда и то, с кем ты будешь спать, точнее – кто с тобой.

– Мне известно все это, – Фелисити нахмурилась.

– Если ты думаешь, что у тебя есть свобода выбора – это иллюзия. Но у тебя есть нечто более ценное. – Ноа залпом допил остатки остывшего кофе. – Неприкосновенность.

Какое-то время они молча сидели рядом. Синтеты поднялись из-за стола и ушли, а человек Плюс, похоже, потерял к парню и девушке интерес.

– Не знаю, как было у вас, но в моей школе с неприкосновенностью плохо, – тихо сказала Фел, сложив руки на груди. – Три раза в неделю мы проходим медосмотры. Нам нужно тренироваться, чтобы стать лучшей версией себя, нужно хорошо учиться, нужно, нужно, нужно... ты знаешь, что мне нельзя пить колу?

– Когда мне исполнилось шестнадцать, я пилу колу каждый день, – улыбнулся Ноа. – Пока накопления не закончились.

Глядя на Фел, Ноа вдруг почувствовал, как сильно хочет защитить ее от всего того, что довелось пережить ему. Защитить ее, такую тонкую и хрупкую, не знающую ничего о жизни.

Он подумал о том, на что идут такие девушки в первый год во Втором классе. Не получившие распределения на те места, на которые они надеялись, зарабатывающие копейки на уборке отелей и офисов, за год они из куколок превращаются в шлюх.

– Я разблокировала тебя, – Фел потрясла телефоном. – И через двадцать минут у меня контрольная по математике.

Она с неохотой пожала плечами, и Ноа понял, что Стоун не хочется прощаться.

– Я прилечу за тобой после школы, если ты не против, – сказал Ноа и тут же решил пояснить: – И мы полетим чинить твой термостат.

– А что будет, если ты не сможешь его починить? – Фел лукаво улыбнулась, и Ларкетт впервые заметил, что у нее ямочки на щеках.

– Тогда тебе придется переехать ко мне, в нулевой район, – серьезно сказал Ноа.

– А знаешь, я не против! – вдруг сказала она. – Нужно мне проучить твоего брата, чтобы не распускал руки!

Ноа улыбнулся. И хоть его челюсть ныла, ему было невероятно приятно слышать о ее готовности, пусть и в шутку, заступиться за него.

– Дай бог тебе никогда не знать таких людей, как он, – Ноа и Фел одновременно потянулись к бутылке с колой, и их руки соприкоснулись.

– Прости, – сказал он смущенно. – Бери ты.

Он гнал от себя любые мысли о сближении, обо всем, что лежало за пределами деловых контактов. Они и так очень рискуют, находясь здесь вдвоем посреди рабочего дня. Сидя так близко друг к другу! Кто знает, может швейцар уже вызвал служителей протектория, и сейчас сюда войдут красные плащи, чтобы забрать его туда, откуда не возвращаются. Надеть черный мешок ему на голову...

– Ноа? Все в порядке?

Похоже, он глубоко задумался.

– Да, – Ларкетт тряхнул головой. – Пора лететь, верно?

– Да. Дай сюда руку, пожалуйста, переведу тебе денег на обед, – мягкие теплые пальцы Фелисити уже обхватили его запястье, и на секунду Ноа представил, что было бы, если бы они могли вот так просто касаться друг друга. Закладывая в прикосновения совсем другие смыслы, как это было у них с Терезой.

– Не стоит, – он осторожно освободил свою руку. – Ты уже сделала для меня очень много. Через две минуты Фел и Ноа поднялись с места и вышли из забега.

Еще через тридцать секунд вслед за ними вышел человек в свободной черной толстовке с капюшоном, который все это время наблюдал издали за их столиком.

Глава 5 – Хайгер

Мужчина, окутанный клубами табачного дыма, сидел в центре зала. Он курил настоящие сигареты – бог знает, как и где он достал их. Впрочем, внешний вид этого человека, его манеры, его начищенные ботинки и костюм от Дасслера давали окружающим понять, что для мистера Зака Хайгера нет ничего невозможного.

Вот очаровательная Майко Плюс склонилась, чтобы прикурить ему, официант в очередной раз наполнил маленькую рюмку шнапсом, а сам Хайгер затянулся, пока главы корпораций, с которыми он отдыхал в онсене этим вечером, от души смеялись над его шуткой.

Он почти никогда не пьянел. Впрочем, даже если это и происходило, какая-то часть Зака Хайгера всегда оставалась на страже. Это было видно по его глазам, ведь они оставались серьезными, даже когда он улыбался. И порой, когда Хайгер заливался смехом, из-за этого взгляда создавалось впечатление, что он немного безумен.

– Хотела бы я иметь вашу одаренность, Зак, – юная Ката Сёити положила ладонь, усыпанную перстнями из жемчуга на его руку. – Феноменально острый ум, дар предвидения. По сравнению со всеми нами, вы настоящий самородок!

– Право, баронесса, кто сказал вам, что это одаренность? Всего лишь образ жизни, – он поднял рюмку и шутливо кивнул сидящему напротив хозяину онсена. – И шнапс по выходным в хорошей компании.

Снова смех обожания – кому из них не нравилось греться в лучах солнца по имени Зак Хайгер? Тот затянулся и прищурился, словно бы от табачного дыма; на самом же деле Хайгер изучал гостей своим внимательным бесстрастным взглядом.

Неожиданно кто-то зацепил его локоть – это была другая Майко Плюс, пришедшая забрать посуду.

– Прошу прощения, мистер, – она покраснела и потупила глаза, заметив, как побагровел ее босс, сидящий на противоположном конце стола.

– Все в порядке, мисс, – произнес Хайгер, выпуская клубы дыма изо рта. Несколько человек усмехнулась, услышав обращение “мисс” по отношению к Майко, но никаких комментариев не последовало.

– Сегодня я угощаю, – громко произнес хозяин онсена, которому Зак навскидку дал бы двадцать два. – Выбирайте любую.

– Не думаю, что здесь есть та, кто скрасит мой вечер сегодня, – Хайгер улыбнулся одним уголком губ, и баронесса Сёити убрала ладонь с его руки.

– Разумеется, здесь кругом официантки, – хозяин обвел взглядом зал. – Но уверен, что мои красавицы из премиум сегмента не оставят вас равнодушным! Они никого не оставляют!

Хайгер снова затянулся и утопил остатки сигареты в пепельнице, которую принесли специально для него.

– Боюсь, что сегодня у меня другие планы, – сказал он. Хозяин онсена склонил голову, мол, как вам угодно, мистер, пусть вы и не знаете, от чего отказываетесь. Где бы ни находился Хайгер, куда бы ни ступали его ботинки, люди обожали его. Однако было что-то такое во внешности Хайгера, в его высокой поджарой фигуре, в его мягкой фетровой шляпе, отчего спросить с ним не хотелось.

– Откройте секрет, Зак, – лукаво улыбнулась баронесса. – У вас кто-то есть?

– Всего лишь подчиненные, которые требуют моего безраздельного внимания, – развернулся к ней Хайгер. Он улыбался, но от арктического холода в его глазах, баронесса поежилась.

Пора было уходить.

– Пива за мой счет этому столику, – громко произнес он и откланялся под рукоплескания и слова благодарности, оставаясь всеобщим любимцем.

Выходить на улицу не было необходимости. Хайгер знал, что старое здание онсена в Джамото-Гане связано с другими сетью подземных пассажей. Когда-то, лет семьдесят назад, сопротивление Метрополя орудовало в заброшенной подземке, однако после массовых взрывов, уцелевшие мятежники переселились в нулевые районы.

Уважаемый джентльмен и любимец дам, Зак Хайгер был главой нового сопротивления. Имел ли он одаренность или развил свой прекрасный от природы ум до сверхъестественных величин – об этом он предпочитал молчать. Однако штрихкод корпорации сиделок, который Хайгер годами выводил с запястья своей правой руки, все еще был слабо различим на его коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.